

Владимир Викторович Трунёв

21 июня 1941 года мне исполнилось ровно 6 лет.

Слышал речь Молотова...

Жили мы да на правом берегу Невы там, где находится комбинат им. Тельмана. Мать работала на комбинате, дедушка и бабушка не работали, отец с 1940 года был в армии.

Конечно, это была борьба за выживание...

Я ходил в детский сад. В школу тогда принимали с 8 лет.

С тех пор в памяти осталось два самых ярких воспоминания: утром зимой я иду в детский сад, а дорожка – пешеходная, не широкая. С одной стороны – стена здания. Смотрю – метров через 40 сидят, прислонившись к стене люди. Сначала показалось – люди присели отдохнуть, а оказалось, что это уже окоченевшие трупы. Это был декабрь. Люди шли на работу... И не один человек умер возле той стены.

Другой случай такой: Мы ходили в детский садик, и во время налета нас отводили в бомбоубежище. Блиндажи, где мы прятались от бомбежки, были громадными, человек на 300, и находились в зеленой зоне. Всех детей забирали из детского сада. Однажды мы забежали в бомбоубежище, и где-то рядом взорвалась бомба. Выключился свет и в это время раздался страшный рев. Дети попадали, а доски на полу были не струганными. Дети ободрались, испугались. Когда мы вышли из бомбоубежища, метрах в 60-ти увидели воронку, залитую водой.

Весной я вставал утром и перед тем, как идти в детский сад, шел к берегу Невы. Там был сад, я собирал крапиву и приносил её домой. Бабушка и дедушка делали из крапивы котлеты и ели их. А я ходил в детский сад, где нас кормили.

Однажды мы получили плитку столярного клея, которая выдавалась в составе пайка только к праздникам, сварили ведро студня, разлили его по тарелкам, поставили остывать. Утром встали – смотрим, а половины нет. Соседские дети были голодные – съели.

К зиме выдавали очень маленький паек, была резко сокращена выдача продуктов.

Бабушка рассказывала, что когда я ложился спать, говорил ей: «Бабушка, расскажи что-нибудь вкусненькое». Она рассказывала про пироги, кулебяки, и я засыпал. С тех пор очень люблю слово «кулебяка».

С зимы началась эвакуация. Основная масса была эвакуирована по Дороге Жизни. Вывозили огромное количество людей, так как нечем было их кормить. Нас отправили на барже по Ладоге. К буксиру была присоединена баржа, в вагонетках привозили вещи. Это было уже ближе к осени. Переправились благополучно, дальше ехали поездом, нас отправили в Сибирь. Довезли нас до Новосибирска, потом посадили на пароход, и этот пароход плыл вдоль берега, пока нас не высадили на левом берегу Оби на месте впадения реки Шигарки, Томская область, Шигарский район.

Нам выделили половину домика с садом и огородом. Жили мы в районном центре. Было спокойно. Хлеба не было, но были картошка, грибы, ягоды. Когда мы только приехали – ничего не было. Нас поселили в деревянную избу. Двор был общий. На этот двор привозили свиней, забивали их. Я пытался кататься на этих свиньях, держа их за уши. Свиней забивали для того, чтобы отправить мясо на фронт. На фронт отправлялось всё, людям ничего не оставляли, единственное, что можно было взять – это кровь. Когда резали свиней, мы собирали кровь и потом жарили её. Работал картофельный завод. Людям, жившим в райцентре, выдавались в виде пайка картофельные очистки – на заводе сушили картофель для фронта. Мы с санками ездили на завод за очистками, а потом из очисток делали котлеты.

При домике был огородик. Мы сажали картошку таким образом: дедушка лопатой выкапывал большой ком земли, я в эту землю втыкал картошину, и ком вставлялся обратно. Мы не перекапывали огород, а картошка хорошо росла. С тех пор я очень люблю картошку.

Сажались кедрачи – посадки кедров. Посадки охранялись, всё отправлялось на фронт.

Хлеба там не было. Первую булку мы получили только в конце 1946 года.

Там было много колоний, заводов, атомная промышленность. Колонии были построены рядом с заводами, и утром люди из колоний шли прямо на завод по специальному переходу, соединявшему здания колонии и завода.

В 1980 году я снова побывал в этих местах, ездил в Томск. Ничего не изменилось с тех пор... Всё так же...

Жили в Сибири до 1948 года.

Во время войны погибли два моих дяди и мой дед по отцовской линии. Отец вернулся с фронта, умер в 1961 году.